

ОЦЕНКА ИЗМЕНЕНИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ РОССИИ ЗА ПЕРИОД РЕФОРМ

В статье представлена оценка развития социальной сферы в России, рассматривается позиция российских экономистов. Критикуется оценка, которую ряд российских экономистов дал последствиям влияния рыночных реформ на развитие социальной сферы в стране. В частности, приведено утверждение о том, что в ходе реформ «был произведен величайший передел собственности в пользу домашних хозяйств». Ведь астрономические по стоимости активы перешли в основном не к владельцам скромных домашних хозяйств, а к первым хищным спекулянтам, наживавшимся на обманах неискушенных вкладчиков, и к узкой группе лиц, действовавших в прямомговоре с коррумпированными чиновниками из Фонда управления имуществом. Критикуются также положения о том, что российское население лояльно отнеслось к проведенным преобразованиям собственности, что граждане России положительно оценивают происшедший восьмикратный рост их расходов на медицинские нужды, фактический переход на платное образование, то, что жилье стало на 43 % менее доступным, чем при плановой экономике.

Ключевые слова: приватизация; социальное расслоение; домашнее хозяйство; жилой фонд; реальные доходы; легитимность собственности; затраты на образование; медицинские услуги; жилищные условия; прожиточный минимум; бедность; немотивированный оптимизм.

G. N. Makarova

Doctor habil. (Economics), Professor,
Baikal State University of Economics and Law

ASSESSMENT OF CHANGES IN THE SOCIAL SPHERE OF RUSSIA DURING REFORMS

The article presents assessment of development of the social sphere in Russia, considers viewpoints of the Russian economists, criticizes the assessment given by a number of the Russian economists to consequences of influence of the market reforms on development of the social sphere in the country. In particular, it brings forward the statement that during the reforms «the greatest repartition of property in favor of households has been made». After all, the assets worth of astronomical value mostly went not to owners of unpretentious households but to the first predatory black marketeers profiting on deception of unsophisticated investors, as well as to a group of persons operating in direct collusion with corrupt officials from Asset Management Fund. Criticism is also given to the statements that the Russian population had seen the property transformations performed in a positive light, that Russia's citizens take a favorable view of the previous eightfold growth of their medical expenditures, the true-to-fact transition to fee-based education, to the fact that housing accommodation has become 43 % less affordable than under the planned economy.

Keywords: privatization; social stratification; household; housing stock; real income; legitimacy of property; educational costs; medical services; housing facilities; cost of living; poverty; unmotivated optimism.

В любой стране при оценках изменений, происходящих в социальной сфере, результаты оценок во многом зависят от степени социального расслоения общества и от того, какой системы взглядов придерживаются те, кто проводит

соответствующий анализ. В современной России отмеченные обстоятельства играют особо важную роль. Степени разрывов в уровнях доходов и качестве жизни разных слоев населения переходят все допустимые границы, а различия отдельных лиц, групп и слоев населения по характеру разделяемых ими взглядов бывают нередко настолько значительными, что оценки одних и тех же явлений, процессов или тенденций в социальной сфере могут варьировать от абсолютно позитивных до резко негативных.

В этой связи большой интерес представляет, на наш взгляд, статья ряда отечественных экономистов, подготовленная на основе доклада, прозвучавшего на XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (г. Москва, апрель 2011 г.) [3, с. 77–96].

Прежде всего, обращает на себя внимание та оценка, которую авторы статьи дали проведенной 20 лет назад массовой приватизации в России, фактически положившей начало современному беспримерному социальному расслоению российского общества. Относительно откровенно грабительского характера проведенной приватизации в работе лишь отмечено, что «Вероятно, российская приватизация была проведена не самым правильным образом» [Там же, с. 86]. Но зато, как подчеркивают авторы, нельзя отрицать тот факт, что в ходе ее домашним хозяйствам были безвозмездно переданы активы астрономической стоимости — квартиры, земля, доли в стоимости богатейших компаний, промышленных компаний и компаний, контролируемых крупнейшие в мире залежи полезных ископаемых, так что с точки зрения макроэкономики имел место величайший передел собственности, совершенной в пользу домашних хозяйств [Там же].

Хотя авторы при характеристике процесса приватизации подчеркивают, что не собираются касаться аспекта социальной справедливости, все же представляется, что это не освобождает их от обязанности называть вещи своими именами, т. е. не искажать истину при освещении тех или иных событий. Соответственно, можно было бы рассчитывать на более четкую информацию читателей относительно того, что этот «величайший передел собственности» был осуществлен отнюдь не «в пользу домашних хозяйств» России, а прежде всего в пользу весьма узкого круга лиц, которые к моменту начала приватизации были владельцами не скромных «домашних хозяйств», а весьма значительных капиталов, сформированных «ударными темпами» с помощью спекуляций и обманов неискушенных вкладчиков за годы распада плановой экономики. Большинство же граждан от всех перечисленных благ получили в свою собственность лишь ничтожные количества малоперспективных или совершенно бесперспективных ваучеров, квартиры и дачные земельные участки в 6 соток. Что касается квартир, то большая часть их представляла собой примитивные и давно нуждавшиеся в ремонте «хрущобы» (или близкое к ним по качеству и метражу жилье), так что государство благодаря такой приватизации смогло избавить себя от растущих расходов по поддержанию стареющего жилого фонда. При огромной территории страны и массе заброшенных земель в 6 соток — это очень скромный дар государства населению, т. е. необходимая основа семейного натурального хозяйства, ведение которого в первые годы реформ было для немалой части населения если не главным, то весьма важным источником средств существования.

Поражают комментарии авторов относительно того, почему осуществленный «величайший передел собственности» не привел к резкому росту доходов большей части населения. «Многие расстались со своей собственностью, — отмечается в тексте, — за бутылку водки, но были и такие, кто сказочно обогатился именно потому, что другие не осознавали настоящей стоимости до-

ставшихся им активов» [3]. Из такого комментария следует, что главными причинами, из-за которых подаренное богатство прошло мимо большей части российских граждан, были их собственные пороки — склонность к пьянству и недомыслие. Почему бы вместо этого не отметить, что, во-первых, в разных организациях изначально оказались ваучеры активов, совершенно несопоставимых по их реальной ценности и количествам, а, во-вторых, что большинство населения лишилось своих и без того скудных «паев» отнюдь не из-за продажи их ради бутылки водки. Многие люди были вынуждены продавать (за гроши) свои ваучеры потому, что на большинстве предприятий и организаций работникам стали задерживать заработную плату по несколько месяцев и им оказалось просто нечем поддерживать существование самих себя и членов своих семей. А «сказочно обогатились» не просто те, кому случайно вдруг повезло, а именно тот же самый, уже упоминавшийся узкий круг лиц, т. е. те, кто были ближе других к Центру управления имуществом и кроме капиталов имели нужные связи в нужных структурах, своевременно получали информацию о том, что, когда и каким образом будет приватизировано. Из результатов самых разных опросов населения, проведенных за годы реформ, известно, что из-за очевидной крупномасштабной социальной несправедливости, допущенной государством в ходе приватизации, до сих пор ее итоги не приняты населением, т. е. свыше 70–90 % опрошенных не считают легитимной новую собственность на крупные состояния в России [2, с. 92]. На этом фоне остается только удивляться, как авторы статьи, несомненно знающие о таких оценках приватизации населением, посчитали возможным положительным образом охарактеризовать общественную реакцию на проведенные преобразования. Доступ населения к предпринимательской деятельности и доходам от собственности стал, как отмечают авторы, «главным позитивным эффектом рыночных преобразований и обеспечил, несмотря на более чем двукратное падение реальных денежных доходов, лояльность населения к проводимым реформам» [Там же, с. 79]. Но ведь даже из официальных источников известно, что в первое десятилетие реформ из-за обрушившейся на людей нищеты и обездоленности смертность в стране поднялась до миллиона человек в год, во многих регионах число умерших стало превышать число родившихся в 2–3 раза, вымирали десятки и сотни поселений, ломались уклады жизни и судьбы миллионов людей. К тому же, организованная преступность, получившая небывалую свободу действий, в массовом порядке стала перераспределять в свою пользу даже малые и сверхмалые доходы первых предпринимателей, которые поверили провозглашенным государством новым возможностям самостоятельного ведения бизнеса и оказались совершенно незащищенными перед бандитами, рэкетирами и находившимися у них на службе правоохранительными органами.

Как можно считать население лояльным к происходившим преобразованиям, если, как признают сами авторы, произошло «более чем двукратное» (а у многих и многократное) падение реальных доходов? Неужели растерянность и беспомощность обманутых людей можно трактовать как их лояльность?

Далее авторы сумели рассчитать, что покупательная способность среднемесячного дохода в России в 2008 г. выросла на 45 % к уровню 1990 г. и сделала вывод, что за эти годы достигнут почти 50% -й рост реального среднедушевого дохода населения.

Естественный вопрос о том, почему люди не заметили такого существенно роста своих реальных доходов, легко объясняется на основе приведенных самими же авторами изменений в уровнях цен различных товаров, происшедших в России за годы реформ. Ведь наиболее значительно подешевели за это

время лишь сигареты, алкоголь и автомобили, т. е. значительно дешевле для населения стало «пить, курить и гонять на автомобиле (отечественном)». При этом водка (главный лидер относительного удешевления) стала настолько доступнее, что если в 1990 г. на средний месячный доход можно было купить лишь 33 поллитровых бутылки этого специфического потребительского блага, то в 2008 г. — уже 171. Что же касается цен на продовольственные товары и тем более муниципальный транспорт, кино, театры, кафе, туризм, то здесь удорожание цен охарактеризовано в статье как «значительное». Самый высокий темп роста цен признан в сфере услуг ЖКХ, которые оценены как ставшие менее доступными в 3 раза. При таком значительном росте цен на самые необходимые товары не очень убедительными представляются расчеты о повышении реального дохода на 50 %.

Конечно, росту реальных доходов населения способствовало такое выделенное в статье обстоятельство, как повышение доступности для населения одежды, обуви и товаров длительного пользования. Вместе с тем, авторы не могли не признать существенного роста расходов населения по другим статьям, прежде всего на те социальные услуги, которые до реформ были бесплатными. Так, например, что касается затрат на образование, то они за прошедшие 20 лет росли практически на всех уровнях образовательного процесса (кроме начального профессионального). В статье использован показатель так называемых относительных затрат на 1 обучающегося, т. е. подсчитаны затраты на 1 ребенка по отношению к среднегодовой заработной плате в экономике (с учетом бюджетных затрат и средств населения). Согласно произведенным расчетам, такие относительные затраты на воспитание одного ребенка в детском саду увеличились с конца 1980-х до конца 2000-х гг. с 16 до 27 %, на обучение одного ученика в школе — на 110 % и составляли 26 % к концу 2000-х гг.

Весьма значительную долю затрат в бюджетах многих семей стали составлять затраты на получение высшего образования. В статье весьма своеобразно охарактеризован факт роста этих затрат, а именно отмечается, что внешне этот рост воспринимается как минус по сравнению с концом 1980-х гг., но одновременно данный рост также означает, что семьи готовы тратить средства на образование, а эту готовность надо уже оценивать со знаком плюс. Представляется, что знаком плюс оценивать готовность родителей платить за обучение детей в современных российских условиях не всегда правомерно, так как многим семьям ради этого приходится экономить на большей части других насущных нужд. Кроме того, происшедшая за годы реформ коммерциализация высшего образования уже привела к резкому снижению качества вузовской подготовки специалистов, поскольку вузы вынуждены теперь учить не тех, кто реально может и хочет учиться, а тех, чьи родители в состоянии платить за их обучение.

Очень оригинально характеризуется в рассматриваемой статье «происшедшее в России за годы реформ сокращение общественных ресурсов на случай заболеваний». «Нехватка государственных средств на эти нужды» компенсировалась, как отмечают авторы, «восьмикратным ростом частных расходов» [2, с. 84]. Во-первых, не совсем оправданным выглядит использование самого выражения «нехватка государственных средств». Ведь речь идет о средствах того самого государства, которое спокойно наблюдает за тем, как из страны ежегодно вывозятся в офшоры по 50–60 млрд дол. (а в отдельные годы при особенно хорошей конъюнктуре на рынках энергоресурсов — на суммы свыше 100 млрд дол.). Во-вторых, удивительным образом объясняются причины такого восьмикратного роста расходов населения на медицинские нужды. «Столь значительный рост частных расходов, — отмечают авторы, — отражает реакцию населения на предложение новых медицинских услуг и лекар-

ственных средств» [2]. Можно подумать, что авторам неизвестна такая новая, знакомая абсолютно всем, кто посещает государственные «бесплатные» медицинские учреждения, печальная реальность, когда посетителям приходится платить не только за новые, но и за совершенно традиционные медицинские услуги и лекарства, так как без такой платы люди обречены терять время и нервы в бесконечных очередях и мириться с низким качеством обслуживания со стороны медицинского персонала. В статье, конечно, отмечается, что из-за таких порядков «наибольшее бремя расходов на лечение вынуждены нести наименее обеспеченные группы населения» [Там же], хотя фактически недостаточно обеспеченные группы являются как раз основными в составе населения России. В результате платность медицины большинством посетителей больниц и поликлиник расценивается не столько как средство получения более качественной медицинской помощи, сколько как фактор, просто снижающий уровень здоровья и доходов людей. В этой связи немалая часть нуждающихся в лечении вынуждена просто экономить на своем здоровье, т. е. просто обходиться по возможности без посещения врачей, оформления больничных листов, покупки эффективных лекарств. Современное же «социальное» государство России так увлеклось возможностями экономии на здравоохранении, что «обогнало» по этому направлению даже многие капиталистические страны. Как признают авторы статьи, «доля частного финансирования в расходах на медицинскую помощь в странах ЕС составляет 24 %, а в некоторых европейских странах не превышает 10–15 %. В России этот показатель находится на уровне 45–50 %» [Там же]. С учетом всего отмеченного большие сомнения возникают относительно расчетов роста реальных денежных доходов в России за годы реформ в 1,5 раза.

Аналогичные сомнения вызывают и выводы авторов относительно изменений, происходящих за годы реформ в жилищной сфере России. С одной стороны, подтверждается, что государство резко сократило свое участие в улучшении жилищных условий граждан: в 1989 г. доля очередников среди всех семей, улучшивших жилищные условия, составляла 73 %, а в 2009 г. она упала до 6,6 %. Одновременно заметно ухудшилось соотношение доходов населения и цен на жилье: к 2009 г. это соотношение составило лишь 0,57 от того уровня, каким оно было в стране в 1989 г. Кроме того приводятся результаты расчетов специалистов из Института экономики города, согласно которым в целом за прошедший период жилье стало на 43 % менее доступным для среднего жителя России. Но, с другой стороны, почему-то делается вывод: «Таким образом, многие сопоставимые ключевые параметры потребления жилья населением изменились несущественно» [Там же, с. 86].

В таком же ключе «немотивированного оптимизма» авторы подходят и к оценкам происшедших изменений в социальном расслоении российского населения и масштабах бедности в стране. С одной стороны, отмечен ускоренный рост дифференциации доходов в России, который оказался «гораздо выше даже аналогичных показателей стран Восточной Европы» (например, если в Венгрии за прошедшие 20 лет коэффициент Джини возрос на 0,018 пункта, то в России — 0,149 пункта), а также признано, что «на данный момент уровень неравенства в России выше, чем во всех странах Евросоюза и странах-членах ОЭСР, и сопоставим с показателями Турции и Мексики» [Там же]. Кроме того, выделены отнюдь не украшающие Россию особенности методики оценки доли бедного населения, к которому у нас в стране относят только тех граждан, чьи доходы не достигают уровня прожиточного минимума, причем сам прожиточный минимум устанавливается на уровне минимальной потребительской корзины, рассчитанной нормативным методом. При таких разъяснениях,

конечно, не очень убедительными выглядят приводимые данные о снижении доли бедных за рассматриваемый период, более чем в 2 раза. Если уж российское государство стремится во всем приобщаться к европейским стандартам, то почему бы не начать оценивать уровень бедности так же, как это принято в европейских странах, где бедными считаются все граждане, чей доход не превышает 40–60 % от среднего. Если средняя ежемесячная заработная плата в России составляет около 27 тыс. р., то, следовательно, бедными надо считать всех тех, чей доход в месяц не превышает 10–12 тыс. р. Очевидно, такая методика расчетов обеспечила бы более объективные оценки ситуации с бедностью в России. В статье приведены и другие, не украшающие государство факты, связанные с проблемой бедности, в том числе относительно доли бедных в общих объемах социальной поддержки, оказываемой государством населению. Как отмечают авторы, «По данным Всемирного банка, в 2008 г. доля пособий, полученных наиболее бедным квинтилем населения нашей страны, составляла 29 % всех пособий», в то время как в Албании, Косово и Черногории этот показатель достигал 78, 73 и 64 % соответственно [2, с. 91]. Такая низкая степень адресности социальной помощи говорит о том, что даже те немногие средства, которые государство выделяет на пособия в целях сокращения бедности, не в состоянии довести до нужных адресатов. Однако в завершение, несмотря на все отмеченные негативные факты, а также на подтверждение авторами вывода многих экспертов об отсутствии пока в России доказательств роста эффективности инвестиционной деятельности под влиянием проведенных реформ, почему-то делается общий вывод, что благодаря реформам «Мы вернулись на магистральную траекторию мирового развития» и что в целом результаты проведенного исследования оказалась даже лучше тех, которые ожидали.

Между тем представляется, что для оптимистичных выводов из приведенных в статье материалов нет достаточных оснований. Фактически точно положительным можно было бы признать лишь то, что за эти годы в стране действительно существенно повысилась степень обеспечения населения одеждой, обувью и потребительскими товарами длительного пользования. Однако, как известно, фактически позитивная значимость роста уровня этой обеспеченности в России в значительной мере обесценивается тем, что все большую долю в структуре приобретаемых потребительских благ составляют импортные товары. Следовательно, обилие этих товаров на российских рынках является весьма сомнительным доказательством роста благосостояния населения, так как вместо обилия очень быстро может сформироваться острый дефицит как только резко снизятся мировые цены на энергоресурсы, а между тем доля этих ресурсов в структуре российского экспорта за период реформ не только не снизилась, но еще более возросла (с 63 до 73 %). Фактически повышение на внутреннем рынке доли импорта по потребительским товарам выше той, которая предусматривается нормативами национальной экономической безопасности (а эта доля в России уже превышена), что означает реальное повышение уровня общенационального риска социальных и политических потрясений в случае сокращения возможностей внешних поступлений, а не позитивное влияние рыночных реформ на социальную сферу.

Поскольку ценность современного человеческого капитала (и ценность человеческого потенциала как главной цели развития цивилизации) во всех странах определяется не только тем, сколько люди потребляют одежды, обуви и бытовой техники, а прежде всего уровнем их образования и здоровья, то непонятно, как авторы смогли сделать вывод о благополучном возвращении России благодаря реформам «на магистральную траекторию развития». Почему их не смущает все более очевидная и сознательная экономия российского го-

сударства на этих главных составляющих человеческого благосостояния, подтверждающаяся в течение всего периода реформ? Ведь есть, например, общеизвестные данные о том, что в 2012–2014 гг. российское государство наметило сократить и без «того очень скромные» затраты на образование, здравоохранение и культуру с 9,1 до 7,2 %, на ЖКХ — с 1,6 до 0,5 % от расходов федерального бюджета [1, с. 20]. Конечно, можно и нужно учитывать, что в последние два года государство вложило более значительные, чем ранее, средства в сферу здравоохранения. Но, во-первых, как видим, в перспективе уже не предполагается таких же значительных дополнительных вливаний, а, во-вторых, основная часть этих средств пошла на медицинское оборудование. Безусловно, техническое перевооружение сферы здравоохранения исключительно важно в российских условиях, но, к сожалению, для населения услуги «бесплатной» медицины от этих вложений не стали дешевле, а заработная плата медперсонала в государственных медицинских учреждениях по-прежнему остается такой низкой, что наблюдается все более заметный «исход» работников в частные клиники «для богатых».

О нарастании неблагополучия в сфере образования в стране знают все, так же, как и о том, что этот процесс может реально усугубиться в самое ближайшее время в соответствии с новым законом «Об образовании». Зарплата работников сферы образования, несмотря на все реформы и перекладывание ответственности за происходящее с федерального уровня на региональный и обратно, остается на уровне, неприемлемом для цивилизованной страны, а количество и качество «услуг образования» предполагается снизить по меньшей мере еще вдвое. Но, очевидно, по мнению авторов, все это тоже вписывается в модель благополучного возвращения России на магистральную траекторию развития.

В целом рассматриваемая статья производит противоречивое впечатление. С одной стороны, авторы привели множество интересных и полезных данных по анализируемой проблеме, выделили целый ряд реальных проявлений явно-го неблагополучия и негативных тенденций в социальной сфере России в связи с проводимыми реформами. С другой стороны, общий настрой статьи таков, что переход к рыночной экономике в России в целом оправдал себя, так как благодаря этому страна вышла из тупика планово-распределительной системы. Получается, что и недопустимое (к тому же, еще усиливающееся) социальное расслоение, и нарастающая деградация в сферах образования и здравоохранения, и рост недоступности жилья значат для авторов статьи меньше, чем то, что в стране наконец-то восторжествовали рыночные принципы организации и регулирования экономики.

Но ведь именно с переходом на эти принципы началась реальная деиндустриализация российской экономики, кратно усилилась ее зависимость от неустойчивых мировых рынков топливно-энергетических ресурсов, превратились в массовые явления алкоголизм и наркомания, стали очевидной тенденции к разрушению отечественной культуры, утрате духовных и нравственных качеств у молодежи, небывалых масштабов достигли хищения и коррупция в государственном аппарате.

Если какие-то нормы и правила идут не на пользу, а во вред населению, то для кого они нужны и зачем их надо приветствовать?

Если бы авторы более объективно оценили фактическую ситуацию с бедностью, а также включили бы в анализ происшедшие за годы реформ изменения в структуре занятости, культуре, нравственности и духовном потенциале российского населения, то, может быть, тогда они не смогли сделать вывод о том, что «результаты исследования оказались лучше, чем мы ожидали».

Результаты потому и оказались лучше ожидаемых, что авторы проигнорировали в своем анализе главные социально-экономические, моральные и нравственные стратегические последствия осуществленных в стране рыночных преобразований. Если, как отмечают авторы, сами по себе рыночные принципы в России себя оправдывают, но этого нельзя сказать о проводимой экономической политике, то, очевидно, уместнее было бы предложить продуманные рекомендации по изменению этой политики. Это было бы полезнее и честнее, чем пытаться доказать кому-то, что государство в результате реформ действительно передало огромные («астрономической стоимости») активы в руки народа и что население положительно (или лояльно) воспринимает свои постоянно растущие расходы на социальные нужды. На фоне огромных массовых грабежей и хищений, фактически безнаказанно осуществляемых крупными собственниками и обслуживающими их чиновниками всех рангов и уровней, включая высший федеральный, безудержного несправедливого обогащения, новой элиты, ежегодного вывоза за рубеж десятков (а иногда и свыше сотни) миллиардов долларов доказывать благотворные социальные последствия проведенных реформ можно только полностью закрыв глаза на современные российские реалии.

Список использованной литературы

1. Бляхман Л. С. Институциональные основы модернизации российской экономики / Л. С. Бляхман // Проблемы современной экономики. — 2012. — № 1. — С. 7–17.
2. Капелюшников Р. Собственность без легитимности? / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. — 2008. — № 3. — С. 85–105.
3. Ясин Е. Социальные итоги трансформации, или двадцать лет спустя / Е. Ясин, Г. Андрушак, А. Ивантер, Н. Косарева, Л. Овчарова, А. Пономаренко, В. Фадеев // Вопросы экономики. — 2011. — № 8. — С. 77–96.

References

1. Blyakhman L.S. Institutional foundations of Russian economic modernization. *Problemy sovremennoi ekonomiki – Problems of modern economy*, 2012, no. 1, pp. 7–17 (in Russian).
2. Kapelyushnikov R. Property without legitimacy? *Voprosy ekonomiki – Economic matters*, 2008, no. 3, pp. 85–105.
3. Yasin E., Andrushak G., Ivanter A., Kosareva N., Ovcharova L., Ponomarenko A., Fadeev V. Social results of transformation, Or twenty years later. *Voprosy ekonomiki – Economic matters*, 2011, no. 8, pp. 77–96 (in Russian).

Информация об авторе

Макарова Галина Николаевна — доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и институциональной экономики, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: makgn1940@mail.ru.

Author

Galina N. Makarova — Doctor habil. (Economics), Professor, Chair of Economic Theory and Institutional Economy, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin St., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: makgn1940@mail.ru.